

«Третий тайм», «Ледоход», «Гладиатор», «Три тополя на Плющихе»... Писатель, драматург, сценарист... Фронтовой театр и Паустовский... Семья, дочери и зять Алексей Герман... И вечное недовольство собой, и вечная же при том благодарность жизни, пару лет назад вылившаяся в книгу «Записки баловня судьбы». В этом проглядывает что-то очень важное для личности этого человека, накопившего к своей почтенной дате не так уж много пышек и не так уж мало колотушек. Впрочем, в этом с ним могли бы потягаться многие. Но в ответной благодарности к судьбе за каждую ее малость соперничать с ним трудно. Не в этом ли секрет счастья человеческого, Александр Михайлович?

13 вопросов

Александр Борщаговскому

— Верно ли, что человек предполагает, а Бог располагает?

— Как всякая метафора — и верна, и странна... Наверное, для верующих она вполне самодостаточна, а для меня — располагает судьба...

— Какое место на земле у вас ассоциируется с понятием «счастье»?

— Одного не назовешь... Это и Таджикистан, и эстонские острова, прежде всего — родная Украина, Белая Церковь... Это не от жадности, а потому, что многое люблю, многое дорого. Мир прекрасен...

— Если бы у нас, как в Японии, учредили звание «Человек — национальное достояние», с кого бы вы начали список?

— С Паустовского. Это для меня настоящее, целостное явление, высота нравственности, верность лучшему, что было в русской, чеховской интеллигенции.

— Ваш любимый персонаж в русской истории?

— Герцен: он страдал, размышлял и сделал для России бесконечно много. Святая книга — «Былое и думы». Во все трудные, страшные времена — а они у меня были — я спасался этой книгой.

— Я хочу, чтобы мои дети...
...просто всегда оставались со мной в тех же ровных, дружеских, прелестных отношениях, что и сегодня.

— Если бы у нас возродились традиции дуэлей, хотели бы вы кого-нибудь вызвать?

— Нет, ни при каких обстоятельствах. Дело в том, что для меня человек, которого я презираю или ненавижу, — он и так перестает существовать...

— По-прежнему ли верно, что «не продается вдохновение»?

— Я думаю, что жизнь печально опровергает этот афоризм. Ведь если ангажируется

талант, то тем самым и его вдохновение. И только потом с ошеломлением понимаешь, что продавался...

— Я жалею, что...

— ...при моем усердии и трудолюбии господь не наделил меня равным талантом, чтобы создать нечто поярче, посильнее.

— С кем вы сегодня завтракали. Что было на завтрак, кто готовил?

— Вот уже сорок семь лет завтракаю с моей любимой, милой Валентиной Филипповной. Она прекрасно готовит и никогда мне не прискучивает.

— Газета, которой я верю?

— Газете нельзя верить, верить можно людям, пишущим в газете. И в этом смысле — все-таки «Известия»...

— Мне нравится, когда женщина...

— ...просто смотрит на меня добрыми, нежными, ласковыми глазами.

— Одиночество — это...

— ...для меня было бы несчастье. Я знаю, как исстрадался от него Паустовский и как ценил его для творчества. Но для меня, общительного, это было бы наказание.

— Из вашей коллекции суеверий: ваша личная примета.

— Я вас разочарую — нет таковой. Была, правда, во время войны не столько моя, сколько обо мне: друзья заметили, что перед поездкой, перед решительным изменением в нашей фронтовой судьбе со мной обязательно что-то случается. То ли травма, то ли еще какая-нибудь неприятность. Чтобы застраховаться от резких перемен, так и говорили: «Держите его». С тех пор и сам я стараюсь беречься, но, правда, плохо получается...

«Держал» юбиляра
И. СЕМИРЧЕНСКИЙ.